

Игорь Григорьев

Вьюга

ПОЭМА

Игорь Григорьев

Дорогой

ВЬЮГА

Зоя Егоровна

Поэма

Артем
об авиации

Игорь Григорьев

Ленинград, 1990

17/IV - (941),
Псков

Григорьев И. Н.
Вьюга. Поэма. / Оформление художника Агаповой Н. Д., — Л., 1990, 96 с.

В основе поэмы — трагические судьбы крестьянок, вынесших на себе все те испытания, которые за последние десятилетия выпали на долю много-страдальной русской деревни.

© Григорьев И. Н., 1990

О себе

Говорить поэтам о себе вернее бы, да и честнее всего, стихами: в лирике не пустишь пыль в глаза, никуда не денешься от самого себя. Таково уж свойство Поэзии: — она сам человек, взявшийся за перо.

Но дела суть «к суровой прозе клонит».

Родился я 17 августа 1923 года в деревне Ситовичи Порховского района Псковской области. (От Ситовичей теперь осталась всего-навсего вековая липа, посаженная моим дедом Григорием Дмитриевичем)..

Наш дряхлый, похожий на гумно, «гришин» пятистенок стоял в полуверсте от деревни, на самом краю леса, именуемого Клин. Лес всегда был моим приятелем закадычным и вторым домом. И доныне мы с лесом на «ты».

Годков с четырех с мальчишками, а то и без них, бегал на Гусачку и Веретеньку ловить решетом вьюнов и гольцов, навевывался на Узу за раками, ходил в Клин по грибы и по ягоды. А с четырнадцати — стал заядлым всамделишным охотником, получив от отца настоящее ружье и прекрасного гончара, англо-русского выжлеца Полáза. (Этот Полáз крепко помог нам продержаться в полуголодное довоенное время).

Пяти лет от роду, выученный двоюродной сестрой Катюшей азбуке, я прочитал в расстрепанной, замусоленной хрестоматии:

То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небе, что оконца.

Это поразило: ведь именно так и было в нашем лесу!.. А назавтра вечером я отбывал наказание — стоял в углу за своеволие (спозаранку сбежал на реку Узу ловить раков: километра с четыре туда, столько же обратно да вдоль берега сколько! И все лесом, по лесу, в лесу, — благодать!). В этом самом углу от переполнившей радости и накотившей обиды, на меня и «нашло»: я сложил свое первое «Стихотворение про милую речку и хмурую тетку». Осталось в памяти:

Речка милая моя,
Без тебя, как без рук я!
Ольга рыжа, что лиса,
На носу два колеса...

С того и началось.

А двадцать восемь лет спустя, 2 сентября 1956 года, газета «Псковская правда» напечатала три моих лирических наброска. И это было как первый поцелуй с любимой!

С первым сборником стихов мне просто повезло. Нежданно-негаданно на моем самостоятельном поэтическом пути повстречался большой и светлый человек, редактор Татьяна Владимировна Боголепова. И «Родимые дали» (Лениздат, 1960) увидели свет.

Теперь у меня оубликовано пятнадцать книжек лирики и поэм. А итога пока не получается. И Бог с ним, с итогом! Впереди непочатый край многотрудной, сверхответственной и прекрасной работы — кровью чувств ласкай людские души, как завещал великий Сергей Есенин. Но брезжит мне вечерняя заря... Порядок перевода: для пропитания.

Прозу тоже пробовал писать; даже пьесы.

Всерьез думать о стихах — не без влияния отца, поэта Николая Григорьева — стал с 1940 года. А с 1963-го — Поэзия всецело завладела моим существом. Люблю ее! И ни на что не променял бы.

Со вздохом признаюсь: журналы меня не забавляли и не обременяли. Журнальные корректуры своих стихов, которые пофартило мне держать, можно бы пересчитать на пальцах. Так что на перегрузку периодикой грех обижаться.

Но пойдем дальше.

Отечественную войну встретил и провел на Псковской земле. Вместе со своими соотечественниками хлебнул унижения, тоски, горестных мук оккупации... Время-лихо, жуткое время, до предсмертного вздоха своего не перестаю думать о тебе! И у последней черты не отрекись от ненависти к фашистским атрибутам — кровожадности, подлости, холуйству и шкурничеству!

В годы германского нашествия было суждено мне стать руководителем плюских подпольщиков и возглавить группу разведки во вражеском тылу.

Когда друга моего верного, помощницу по разведке, Любу Смурову схватили немцы (случилось это в поселке Плюсса 11 августа 1943 года), я был отозван партизанским центром в лес. Брат Лева ушел со мной... И — с Дня Победы до сей поры — мне не по себе от горькой думы: «Вот они — многие миллионы сыновей и дочерей, и с ними Любовь Смурова и Лев Григорьев, — полегли за Родину, а ты остался в живых!» Но ведь очень даже мог и не остаться. Судьба.

Воевал в разведке Стругокрасненского межрайонного подпольного центра под началом славного сына России Тимофея Егорова и в бригадной разведке Шестой ленинградской партизанской бригады.

11 февраля 1944 года получил четвертое, последнее ранение на войне. Было немало госпиталей.

О военном лихолетье, если сумею дотянуть, будет роман, над которым я вот уже сколько лет корплю.

Летом 1944-го был демобилизован «по чистой».

На гражданке промышлял охотой в костромских глухоманях и фотографией на Вологодчине, бродил в геологической экспедиции по Прибайкалью, работал грузчиком и строителем в Ленинграде. Осенью 1949 года — с третьего захода — поступил на русское отделение филологического факультета Ленинградского университета, которое окончил в 1954-м.

В жизни и в поэзии я не мыслю себя без России, без боли и гнева, ныне пренебрежительно прозванных «эмоциями». Время и безвременье понимаю как ничем и, тем более, никем не сокрушимый сплав будущего, настоящего и прошлого. Все перемелется.

1989

Игорь Григорьев

ВЬЮГА

Приюти ты в даях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Александр Блок

* * *

Речь заведу издалека,
Поскольку дело непростое.
Да будет боль твоя легка —
Ты у земли не на постое.

Селенье Губино, скорбя,
Божусь, не обессудь за слово:
Ты, кроме самого себя,
Не губишь никого иного.

А окрестил тебя чудак,
Твой первоверхарь — дед Тимошка.
В твоих водах всяк ерш — добряк,
В лесах — незлючи волк и мошка.

Еще вокруг тебя кусты
Не сплошняком: не вовсе худо,
И родники пока чисты,
И соловей не весь покуда;

И по озерным омутам,
И средь непаханного поля
Бедует брошенная воля,
Вздыхает доля тут и там.

А на возгорках камешки:
Воспоминания о хатах...
И так сиреневы деньки,
Так правы — нету виноватых.

Не вихрь завил меня сюда,
Не с перепою завербован,
Не по решенью нарсуда —
Я скитской тайной приколдован.

Под прожекторов свистопляс,
Ты — и в цветенье, и в затменье —
Живешь надеждой на спасенье
Земли, себя и грешных нас.

Даль проникает, как вино,
Манит коварною привадой,
Как встреча и разлука с ладой:
И горько, и хмельным-хмельно.

Не забавляясь, но казнясь,
Молчком — не в брехе скалозубом
Твоих распятий пыль и грязь
Я прицпал сердцем-однолюбом.

Тринадцать лет тому назад,
Ну, а точней — в семидесятом,
Я брел по звездам, наугад,
Под августовским звездопадом.

Мои собратья по перу
Не поделили псковской славы.
И я, доколе не умру,
Не позабуду той отравы.

Нет, не с цианом порошки
В стакане водки. Проучили
Меня надежней «корешки» —
В глазах России обмочили.

Вот это было так беда,
Не просто жизни оплеуха:
Не с ног сшибала — я тогда
Лишь чудом не свалился с духа.

Мне делать нечего в доме —
Во Пскове нелюбезном — стало.
И я, собравшись как понало,
Шагнул за дверь, надев суму.

* * *

Иду, хромаю наугад:
Туда, сюда — не все равно ли?
Меня — до злости! — отпороли,
А злость душе — крошечный ад.

Но я не о душе в ту ночь,
Скорей о брэнном теле пекся.
Висела муть. Кончалась мочь.
И нетопырь за мною влекся.

Во тьме подругу звал русак
Да молодые волки выли. . .
Не шуточки — попасть впросак,
Избави Бог от этой были!

Как потерявший связь солдат,
Как в обороне безоружный,
Сейчас я Жучке бы недужной
Что родной тетке был бы рад.

Чу! Не по-дикому живой,
Размытый волнами тумана,
Из ожидального обмана
Притек не волчий — песий вой.

Собаке филин подвывал,
Скрипела качкая дорога.

О, край полночных запевал,
Мне жаль, что до свету далеко!

Гора вихлялась на горе. . .
В пять выпел месяц, друг-смотритель,
И распахнулась, вся в заре,
Деревня Губино — обитель.

И сразу не черно ничуть,
И ни унынья, ни пустыни —
С тех самых пор и вот. . . доньше.
И неужель не в этом суть?

* * *

Я — скоком — одолел откос:
Наддашь, спасаясь от порухи!
И первый встречный — пегий пес
Меня облаял: то был Мухи.

Он не порвал моих штанов,
Спросил в сердцах: «Ты не к Михею?»
(Я по-собачьи не умею,
Но разумею сто тонов.)

И я ответил: — Не кори,
Не знаю сам, к кому, приятель. —
Молчим, вуйтель и ваятель,
И свет па нас — от ползари;

А ползаряны за горой
С прозванием верховным — Небо.
(Знобит испуг меня порой:
А вдруг я в этой были не был?)

И хмарь покоит до поры
Два озера окрай деревни.
А по дворам дымы и певни,
А по садам красны дары.

Да, Русь! Хоть верится с трудом, —
Близка, туманна и желанна.
И голос: — Буду тетка Анна. —
И светлый оклик: — Просим в дом!..

Считай, что ты у мамки вдруг.
Прости, что скудно угощаем. . .
«О, Боже, женщина без рук!» —
И я давлюсь горячим чаем.

А тетка потчует: — Сынок,
К чаю привык, привыкнешь к травке. —
И солнца луч найскосок
Бежит по выскобленной лавке,

Струит на Анну тихий свет,
На скорбном лике пламенеет,
Целует руки, коих нет.
— Не камень солнышко, жалеет.

— А вы? Вы каменная, что ль?
— Ково там каменна — простая,
Да разве выживешь, растая?
Но жизнь моя — не только боль.

Ходила по свету с сумой —
Куды как тягостная ноша;
Не зналась разве что с тюрьмой.
А все на что-нибудь да гожа. —

И встала с лавки — висока,
Пряма, суха, небесноока:
— Людмила, выгонь гусака:
Добрался до гороху, дока.

— Твой гусь шальной, поди осиль. —
Из спальни вихрь: — Знакомы будем:
Я — Люська. . . а лучшэй — Люсиль!
Вот так-то, на завидки людям!

Недурно для колхоза? Да?
На днях по телеку видала:
За Африку дралась удало
Мадам Люсиль, кинозвезда. . . —

Да! Самозванка — хоть куда,
Для мужа в возрасте опасном,
Слегка косит, с косой, худа,
В паряде невозможно красном.

— Аленка, Рита, с печки геть!
Усь, Мухи, усь! Гоните гуся! —
Пришел хозяин: — Милка! Люся! ..
— Валёк, не лапай, как медведь!

Опять «под мухой», чертов сын? ..
— Муж Люськи — хоть Валёк, хоть
Валик,

А если чинно — Валентин.
— Маманя, сладь-ка гостю шкалик! ..

Дак ты — поэт? Мараешь лист
По совести, аль по захмычке?
Поэт! .. А я, брат, тракторист,
И женка почтальонит в «Смычке».

— Медведев Клим тебе не свой?
— Да нет, герой — братан соседей.
Я тоже был богат родней,
Да жизнь убавила Медведей:

Троим из нас в войну капут,
А три с Москвы не кажут носа. —
Вздохнула мать: — Чего уж тут:
Обидой не решишь вопроса.

Хоть разворочено шоссе,
А — так ли, сяк — заводит в город.
Разлад деревню сгреб за ворот:
Еще — не всё, уже — не все.

А я привыкши, не тужу:
Живут меня позлополучней.
Стоплось, к Фотинье провожу:
Она одна — жильцу сподручней.

* * *

В невинной утренней поре
Не всяк добром обуреваем:
Взъярилась ругань на дворе,
Залился Мухи злобным лаем.

И к нам, как ветром, принесло
Говоруна и стрекулиста:
А безыдейный мусор — зло.
— Сорите, но идейно чисто,

Вот ты, Медведева, мутишь:
«Разлад деревню сгреб за ворот,
Народишко метнулся в город», —
Крамола на уме, не тишь.

Веленье века мирово́:
Деревня — в город, город — в поле.
«В ружье» бы всех до одного
В дни сельстрады! Терпеть доколе?

На фронт ударный — на сенаж:
Всем по две нормы! Без коленец.
Михей Бабаев, выдвигенец...
Документ личности покажь! —

Он громоздился падо мной:
Щедривый, горбоносый, рыжий,
Кривой — детина продувной.
И Валик — мне: — Сосед. Из выжиг.

— Так-так! У вас, как погляжу,
Народ в страду гульнуть собрался.
— С того и с кобелем задрался?
Ну что ж, садися, удружу.

— Однако, выпью, если так,
Хоть на чужой глоток не падок...
В дому в наличности чужак:
Предъявь! Порядок есть порядок. —

Я предъявил, чтоб «не нажить»,
Мы поручкались аж до хруста!
И все ж не будемте кружить:
Не густо тут, да и не пусто.

Семь хат в тот август, в те поры,
Семнадцать душ в себе хранили...
Но люди кинули дворы,
В бегах утешась да в могиле.

Как след в ущербленной росе,
Быль призрачной была и странной.
И вот остались Фотя с Анной,
Михей, да я, да Мухи — все.

* * *

Что тут за жизнь, вообрази:
Не алча за строку полтины,
Тринадцать лет, тринадцать зим
Пою у бабушки Фотины!

При ней я не был мал и сир,
Благословенно повстречанье.
Моя хозяйка — целый мир,
Поэма высшего звучанья.

Фотинья ростом не взяла,
Улыбку тратит, что обновку;
Зима безвёсно замела
Ее заботную головку;

Одета чисто, налегке,
Тиха, да на ногу проворна,
Слова роняет — сеет зерна;
И посох, будто жезл, в руке.

Как высока ты, наша мать,
В любви, ничем непобедимой!
И, нет, тебя нельзя отнять
От горькой сельщины родимой.

Перед землей во всем права,
Ни перед кем не виновата,
Руси великая вдова,
Жена забытого солдата,

Твоим заботам несть числа,
Твое неистребимо дело.
Какие годы одолела!
Какие ноши пронесла!

Пылать, души не истребя, —
О, женское огнетерпенье...
Поклон тебе за всю тебя,
За боль, за веру, за смиренность!

* * *

Кипи, лирический задор,
Я весь в тебе, добрей и крепни!
И вдруг затор на самом гребне:
Как в песню — тракторинный «хор».

Давненько, да тому не век,
Когда я закруглял поэму,
Мне страж соцреализма рек:
«Не трожь сомнительную тему!

Что нашу глушь да тьму жалеть,
Баб-ангелиц изобретая?
За ересь стародумам — плеть,
Техреволюцией витая!

Архангел, архисатана,
Ведун, кикимора — все бредни.
Да и душа отлучена
От тела: был наказ намедни!

Вся наша жизнь теперь бела,
Изжиты риги и овраги;
На весь район — ни помела:
Какие тут уж бабы-яги.

Добры ли, злы, больны, бодры —
На всех одна печать порухи:
Отжившее свое старухи
И деды — клячи да одры.

И агрографам не родня
Неперспективная обитель;
Да ты и сам, болотный житель,
К деньге сбежал от трудодня.

Ни для чего горит сыр-бор,
Зря рядишься в мужичью тогу...»
Я вспомнил этот разговор
И впал в унынье и тревогу.

— Да, свет-Ивановна, дела
Почтенных губинцев не дюже:
Жизнь разнуздала удила.
— У нас бывало и похуже.

Крушил чужак. А тут — свои.
Свои! Вконец не одолеют.
Ты думку, что ж еще, таи:
Порушат власть и пожалеют.

Тряхнет земля! Раскатит зов!
И мы, как повелось издревле,
Начнем с венца, скита, деревни... —
Неужто начинать с азов?

Но жизнь, сподоблена лучу,
Взойдет без придури бесплодной...
И я молчу, молчу, молчу,
Живой, крутой, на дело годный.

* * *

Даруй сниженье, вышина:
Ведь не витает в небосинье,
А на земле стоит она,
Изаба Макаровой Фотины.

На желтом глиняном куске
Молчит изба, вращая в землю,
Ни в веселинах, ни в тоске,
Свое сказавши: «Всё приемлю».

В избе не белено чело.
— Да чтобы печь да нефрантиха!
Ивановна, да все ли тихо?
— Всё как везде. Всё ничего.

Не за морями Ленинград,
Не за горами, нам не с краю:
Приедут дочки — побелят
Не к Рождеству, так к Первомаю.

Жнитво отмаяли едва.
Горит колхоз! Тут не до печки.
А мне ведь восемьдесят два,
Да семь курей, да три овечки;

Коза — коровушка старух,
Коты, крикуша-поросенок —

Зятка подарок-принесёнок
И прокурат-козел Чернух.

Все просят есть наперебой,
И прав, и жаль, и власть являют.
Да то, да сё, да мы с тобой —
Делов года не убавляют.

Да, жизнь — пила, а всё мила;
Да, жизнь — узда: так — чтоб держаться.
И слава Богу, что дела:
Еще успеем належаться.

Сполна успеем! А пока
С чего не жить? С какой мороки?
Чего отлеживать бока,
Коль шевелятся руки-ноги?

Теперь в деревне жить дивьё,
Не то, что мы когда-то жили:
Не за рубли — за даровьё
На полну совесть рвали жилы.

Поди, и сам не позабыл:
Ленёк под снег не хоронили.
Куда ж в людях девался пыл?
С лица всё те же, да они ли?

Да как себя-то узнаём?
Зарплата — с двести, да забрана
С пустопорожного кармана:
Труды — внаём, рубли — взаём.

Но мы не чаем в том греха:
«Не обеднеет государство».
Откуда в нас вселилось барство?
Найди, к примеру, пастуха.

Выходим в поле к девяти.
Каких-то — сверху — ждем везений.
А сколько стало воскресений!
Вот ты, земля, и поцвети.

Впрямь, что ли, нечего беречь?
Ведь хоть бы чуть загоревали:
Дома печами согревали,
Теперь домами греем печь.

Гляди, как скотный разнесли,
По бревнышку пораскатали.
Теперь хоть милуй, хоть казни,
Хоть плачь — зазряшные печали.

А ведь какой стоял дворок,
Мы строили — не тети-дяди!
Давал и масло, и творог,
И молоко — теперь бы кстати.

— А што их жаловать, коров?
Напиток «бешеной коровки»
Не требует сельхозеноровки,
К тому ж не лопают кормов. —

В избе Михай возник, как тать.
— Фотинья, сникни, будет поздно!—
Он ёрничал, да так серьезно,
Что я подумал: «Взять бы — дать! ..»

— Макарова, соцбыт не тронь:
Мы за житуху контру били! ..
ТЬфу! старую как подменили,
Возьми попробуй, засупонь!

— Тебя бы, нехристь, приструнить,
Глядишь, поруха б миновала.
Распановалась волчья сыть,
От долга совесть опростала.

Пьют «бормотуху» — жрут чуму
И в чинном возрасте, и в мале.
С чего б такое? И к чему?
И что ж исделается дале? ..

А печь? Себя за печь хулю:
Так спасовать перед безделкой!
Шут с ней, с ломотой, — побелю.
Сходь к Медведихе за побелкой.

* * *

Мой путь — по саду, над прудом,
На край деревни, где тихонько
Стоит недавно шумный дом
(Пять душ гудели да гармонька).

Не так велик, не то чтоб мал —
Своим да и заезжим впору.
Я их любил. И здесь бывал
Семь раз на дню в любую пору.

Здесь никому не знали зла,
И все же — мимо их удача:
Хозяйка старая слегла,
Сын Валентин утоп, рыбака.

Как чибис в коршунных когтях,
Как пескаришка в щучьей пасти,
Не уберется от напасти
Рыбак... в Михеевых сетях.

— Да ты ж, Бабай, мне в сердце нож:
Тебя бы, куманек, как гада! ..
— Не надо лазать, где не надо:
Мое — мое, никто не трожь! ..

И вот жена Валька Люсиль
Забрала дочек и — в дорогу.

— Не рушьте дом! — я их просил.
Прошенья не имели проку.

С тех пор минуло семь годков,
Точнее — лет, для Анны длинных.
Одним-одна.

— Удел таков:
С похмелья — все, да нету винных.

А я чуть в землю не сбегла,
Едва-едва не подкачала:
Скрутили хвори в три мочала.
Да развязалась, размогла.

Отхолонуло во груди:
Еще не решка бабе Нюхе.
Пройди, кровинушка, пройди!
А ты зачем припастал, Мухи?

— Да он — за мной.
— Я не гоню,
Пуцай погреецца в халупе:
Хоть пес, да в шкуре — не в тулупе.
Садись, Игорюшка, к огню.

Как там житуха? Что дела?
Неслышно ли какого чуда:
К примеру, сажка не бела?
— Да вроде как была покуда.

— Иль, может, щуку съел карась?..
А Фотка что ж нейдет?

— Суббота.
Ушей уборка да ломота.
Она же тут была вчерась.

— Да уж была... Родни родней,
Не просто добрая соседка.
Жалкую только: стали редко
Мы привечать друг дружку с ней.

Не быть бы Нюшке — не она,
Мой прах достался б чисту полю.
Как пес я: чем душа полна,
И чую, да сказать не сдолю... —

А я, как в невидаль, глядел
И думал с гордостью горючей:
Как величать такой удел —
Прекрасный, страшный, неминучий?

Покорные земной судьбе,
Подруги — Фотя и Анюта —
Не ведали цены себе.
Так даль не ведает приюта,

Но зазывает в свой чертог,
Российской привечает лаской,
Как присмирелый ветерок
Перед крутою громотряской.

И пусть их даль всего верста
По колеям в унылых лужах,
На этих совестливых душах —
Вся тяжесть русского креста...

Навеки веря и любя,
Не лгаться на прочие мерила,
Забыла Анна про себя
И о другой заговорила.

И вся она была под стать
Березе в осень в поле голом.
И слов ее не наверстать
Моим напыщенным глаголом.

— Фотинья — набольшая мне,
Хоть на годок помлаже будет.
Ты знаешь, в здешней стороне
Уйди она, любви убудет.

Уйдет она... Уйдет ведь? А?
— На век двойной плоха надежда.
— И кем ее? Заменишь пешто!
Вот и тревожусь загодя.

Ни отменить, ни обкричать —
Такая у Фотиньи мера,
Такая роспись и печать:
Людское счастье — это вера.

В добро и свет — не в нашу тень —
Без веры как в моей судьбине?
Давно за баней, на рябине,
Я погасила б черный день...

Ведь знает по себе любой:
Надежда — долгоожиданье,
А всемогущая любовь —
Долг неоплатный и страданье.

В беду и в дни безгоревны,
В летá закатные и в младость
Мы не по равну делим радость —
Перед страдашем все равны.

— Выходит, все мы всем должны?
И все, в конце концов, равны?
С придачей? Или без отдачи?
— Для тех, кто любит, — не иначе.

Заговорила я с тобой:
Мне без словца — как без сердечка.
Молчу, жадобнушка, отбой,
Побелки заждалася печка.

А ты опять со светом в путь?
А то кручинушка накатит!...
Не боязно? Как серый схватит!
— Да с гончаром уж как-нибудь.

Пойду по милым адресам —
Хлебнуть осенней передраги.
— Хлебни-ка хлебного из фляги.
Гляди, темнеет к трем часам.

Так, значит, печку побеля,
С ружьем завьешь по чернотропу?
Поцинь предснежного укропу
Да не страви мне кобеля!

* * *

Не верить, отвратя глаза,
В «неперспективные» селенья, —
Хоть в грусти, хоть без сожаленья, —
Не верить, в тучах, в небеса.

Где чудом вишенка цела
В краю безмолвья и покоя —
Не запустенье никакое.
За это пахарю хвала!

Пусть не оратаю с конем —
Стоконну тракторному плугу;
Гром вжился в тихую округу
И нет большой помехи в нем.

Жми, тракторист, да не грехи —
Не жахай сталью без оглядки.
Паши себе: у нас не грядки,
Природа свыклась, зябь верши.

Пристыли слезы ноября:
Тридцатый день, близка пороша.
Под кромкой туч не мгла — заря,
Как дева робкая, пригожа.

Ветлѐнка грея у ветлы,
Рыжеет костерком лисица.
И двух бугров косые лица
Не так и хмуры, как светлы.

У разлохмаченной реки —
Из-под Архангельска вороны:
Как в брешах нашей обороны
Поморов стойкие полки.

И не на юг крыла унесть
Спешит безгнѐздая кукушка,
От снегирей красна опушка:
За вьюгой — к нам, в сугробах — цвель!

— К ноге, мой Мухи! Мир кругом.
Не лай, два шага до объятий!
Не быть же в дорогом врагом
Благой тиши и меньших братьий.

Пойдем расхлябанным путем
Мы на свиданье со свободой —
С печалью, с нивой, с непогодой.
Не ли́са, песню обречем!

Здесь радоваться и радеть,
И верить, верить без оглядки!
И никуда — хоть нет отгадки —
От этих нив себя не деть.

Какая ширь и доли́на!
Какая грустная низина!
И озимь, жгуче зелена!
И сильнее птицею осина!

На возвышеньях сосняки:
Все сизый хмель, но разве праздны?
И голубые сквозняки
Не ветрены и не напрасны.

Курганы, главы оголя,
Шапочку снять велят неволью...
Мои осенние поля!
Твои? Ничьи? На всех доволью!

* * *

С моей хозяйкой золотой
Тому лет десять, коль не дольше
(До чумовых событий в Польше),
Мы отмечали день святой.

— Досель не евши неужли?
А мы с Михайловной, по рани,
Почтить на братское сошли
Загинувших на поле брани.

Ты шохал порох, ведал бой,
Сам капал кровушку Победе.
Покуда Анна в сельсовете,
Вдвоем запризднуем с тобой!

Какой ни есть, да всё солдат,
Какая ни на есть — солдатка.
Погода — рай: пожалуй в сад.
За май Девятый! То-то датка!

— За мир, Ивановна! За нас! —
И мы испили. И заели.
К нам аист опустился с ели.
Гудели пчелы. Красный час!

Играл денек златолилов.
Не поздно жизнь начать сначала!

Но Губино себе молчало,
Заметено в снега садов.

Фотинья, страж ничьих дерев,
Дивилась: — Цветь-то! Гинет сила!.. —
Потом, как вышла, замерев,
И очи долу опустила.

Мы с ней молчали полчаса,
А то и час, не в этом дело.
Горели синью небеса,
И хор ли, солнце ль звездно пело.

И как начало всех начал,
Как всепрощенье и прощанье,
Почти бессмертья обещанье,
Тот горний хор во мне звучал.

И в ней звучал: ее лицо
Светилось болью горделивой.
И радуги полукольцо
Вздымалось перед ней над нивой.

И мне не донести пером,
Как лик ее преображался!
И тихо первый майский гром
В дорогу лета снаряджался.

Роблив, что вяхирь-воркунец,
Гром бормотал в колке еловом,
Как я: как лез в карман за словом.
И снарядился наконец.

Я глянул в Фотины глаза,
А там уже не тишь да милость:
Их ангельская бирюза
Внезапно будто задымилась;

Там всё темнее и темней,
Всё бесприютней и тревожней.
И вдруг за озером, над пожней,
Как будто рухнул воз камней!

На нас, клубясь, из-за горы
Синюха-туча налезала:
Как чирканёт стрелу с кресала,
Обрушив свет в тартарары!

— Как в сорок перво-им! Свят, свят!
И в День Победы, Боже правый,
Как в том июне в день кровавый,
Как тридцать лет тому назад!.. —

И вот уже весь мир в грому:
Всё валится с телеги камень,
И по грядам — вода и пламень!
Но мы в обители, в дому.

* * *

— Прости несправедливый рассказ.
Где нынче лес, а было поле,
Мы с Анной — помню как сейчас —
В то воскресенье лен пололи.

Не вызнатъ цену той цены!
Не выгрести пепел в том пожаре!
Мы прямо с поля в день Войны
Мужей навовсе провожали.

Наш клич, наш плач их не упас,
Руси солдат, от немской стали:
Мы вдовами, бедунья, стали.
Да разве с Анной двое нас? ..

До рва, кипящую огнем,
Мужи снесли нещадну ношу.
Давай замолкнем — помянем
Мово Сидорку и Тимошу! —

И сразу слышен ярый дождь,
Жерлянок пенье-ушоенье,
И всхлип цветов, и листьев дрожь,
И Фотино сердцебиенье;

И виден лес — как небом смят,
И небо — будто смято лесом,

И земля — под громовым навесом.
— Ого, шарахнуло! Свят, свят!

День от макушки до комля
Раздвоила грозы секира.
— Да будет пухом мать-земля
Всем вам, кто не дошел до мира!

Ведь вот доньне горевно:
Хоть знать бы, где они загили?
В какой покоятся могиле? ..
Вчера то было иль давно?

Кто вдов оплатит жарче вдов,
Пылающих над похоронкой,
К тому ж, когда детвы шесть ртов
Да стук седьмого под кофтенкой.

Ах, бедовые времена,
Неиссякаемые слезы!
Мне Анна видится: она
Бежит, растеребивши косы.

А у нее-то, у нее
И на руках, и за плечами,
И вокруг подола — сыновья,
Семь душ детишек. Семь печалей...

И сам я помню этот день,
Мир, потерявший веру в Бога.
От Запада — вполнеба тень,
И в Русь отворена дорога.

Пока дышать — не позабыть,
Пока дышу — не позабуду
Прощальное: «Не быть! Не быть!»
И эхо: «Жди живого! Буду-у!..»

Всё — крик один: жена и мать,
И ничего пред криком нету..
Не приведи Господь взирать
На жуткую погоню эту!

Как будто стонет пустота,
Зовёт разверзнутая бездна,
Смешались низ и высота,
И где-то бьют в набат железно!

— Вот так мы встрелили войну...
А ровно через три недели
Жить стали, стало быть, в плену:
Свободу то есть просвистели.

Попало русским мужикам,
Досталось бабам и детишкам:
На фронте — всклень, в тылах —
с излишком...

— Сама-то как?
— Так я ж с рукам.

* * *

Другим краям не привелось
Такого ведать огнепала:
Как будто вдруг земная ось,
Несмазанная, запылала!

Как будто неизбежно зло!
И чадам Анны захудалым,
Парняткам-восьмилеткам малым,
В малиннике не повезло:

Не евши не смогли они,
И по малину ушмыгнули.
Им шмайссеры, таясь в тени,
Не ягоды послали — пули...

Что делать? Надо хоронить!
И побрела, впрягшись в дроги,
И не идут чужие ноги,
И ни слезы не обронить.

А до кладбища — высота:
Не даром звать ту гору Небо.
И вдоль дороги разлита
Кузнечиков молитва-треба.

И ни разбоя, ни потерь
Как будто нету и не будет,
И вольной воли не убудет.
Самообман: не тщишь, не верь!

Война! У жизни мал лимит,
Зато у смерти бланки в торбе:
«Ложись! . . — Клювастый «мессершмитт»
Атаковал повозку скорби.

По змей-горынычу объект,
По змей-германычу добыча:
Железное мурло набыча,
Гад не берёт боекомплект.

Заход над Анной! И другой!
И третий круг над катафалком!
Не над солдаткой в страхе жалком —
Над нашей русскою бедой.

О, Русь! О, полоянка-мать!
Крупнокалиберные пули
Настигли цель — не отвернули:
Четыре — в Толю, в Женю — пять;

И две — самбой, не всё ж сыпам,
И — вдрызг оглобли, напрочь спицы. . .
(Что-что стрелять умели фрицы,
Особенно когда по нам!)

Убив убитых, коршун злой
Сокрылся в тучах белопенных.
— Убили дважды — убиенных! —
Вопила Анна: — Боже мой! . .

С години той, с тех самых дней,
На месте этом — шаг с проселка —
Растет задумчивая елка,
И два креста горят под ней.

* * *

Позабывалось про тепло,
Позабывалось, да отчасти.
С начала гибельной напасти
Побольше года протекло.

Где налетела, где вползла,
Где пришагала чинно-гордо,
Но всюду — фрау¹ тьмы и зла
И с нею зонхен — нойе ордунг².

Кругом дозор, везде догляд
И днем и ночью неотложен.
Сестра печали, гневный брат,
Бездушен ворог и безбожен!

¹ Госпожа (нем.)

² Сынок — новый порядок (нем.)

Как раз седьмого ноября
Прискорбного сорок второго,
Когда заря, огонь без крова,
Легла в рогожи кушья,

Когда печальная звезда —
Людская память о свободе —
На потрясенном небосводе
Сверкнула шемцу: «Никогда!»,

Когда рыданий не таи,
Но приурь их — ночь вначале, —
В дверь тетки Анны постучали:
— Хозяйка! Открывай — свои!

На зов босая, в чем была,
Ничуть не чуя холодени,
Анюта — в сени: — Ну дела!
Аль партизаны порадели?

Мои желанные! Свои!
Ваш путь не к моему ль Тимоше? ..
Смекаю: спрашивать негоже.
Выходит, тута, соловьи!

А то гуляет дарово,
Загостевался хрен германец.
Да скоро ль сгинет он, поганец? ..
Вкусите яства моего!

В нем клевер, желуди, ботва,
Крупчатка-градец с поля-луга,
Да сладкий верес, да лешуга,
И што чудно: припек — сам-два.

Прибавь вам сил, пойдн вам впрок!
Не обессудьте, что не ситный,
Не так румян. А въеься — сытный
Наш семимучный колобок.

Да лопнет от него «немой»!
Примите, дорогие други,
Слезу мою, гостинец мой! —
И с хлебом протянула руки.

И тут! .. Не буду, не могу...
Лишее не бывает лиха
(Не знай, сказал бы: бредни психа,
Но от себя не убегу.)

Враг вбросил саблю в ножны: — Гут!
От матки русский дух отвеян.
Теперь пускай Москау жддут. —
И грозно: — Ауф видэрзеен! —

Все прочь с крыльца стекла, как прах,
Оставив в доме Анны вопли,
Нездешний запах, зримый страх,
И в ночь, как грауэн¹, утопли...

¹ Ужас (нем.)

Не перешла загробный брег,
Жить нечем, жить нельзя, да надо,
Восстала, белая как снег,
Жена российского солдата:

— Сдай, малка, большаку штаны —
Нейти ж на снег без тех пожиток:
Покличьте Фотю, горюпы,
Пусть принесет суровых питок. . .

Не вопрошая ни о чем,
Пришла Апютина подруга,
Взялась за дело: ни ползвуча,
Как будто век была врачом.

И лишь когда забрезжил свет
На онемелом огороде,
Фотинья села: — Утро, вроде.
Вот так и боль сойдет на нет.

Встряхнула спикшего мальчика:
— Беда-бедеяна, охти, муки!
Пошарь, кровинка, у крыльца —
Найди маманюшкины руки.

* * *

Сердитый критик, не злословь,
Развей, коль выражусь туманно.
Мы победили, тетка Анна,
И в море крови — Ваша кровь.

Вчерашний стон «Осенний сон»
Уже не просто вальс отпетый:
Иной мотив, другой резон —
Озвучен страшною победой.

Былое за сердце берет,
Тревожа, как побег из плена.
И, не ломаясь наперед,
Пред Анной преклоню колена.

И, грешный, я не погрешу,
Спев дифирамб в честь россиянки.
Михайловна, я Ваши дянки¹
В морозы посеючас пошу.

* * *

— Душа у всех на свете есть —
Исток веселья и ушынья:

¹ Варежки (псковск.).

Не зря ж в чести добро и честь, —
В сердцах печалилась Фотинья.

Всем стыд и совесть не чужи,
Хоть будь хоть кто. Так в чем же дело?
Уж больно мы лелеем тело:
Порой — беда! — ценой души.

За счет доверья и добра
Рассудку голому внимаем.
Чего-то уж не понимаем —
Такая, что ль, пришла пора?

А ведь душа всего одна,
И совести другой не будет.
Безбожье землю обезлюдит,
Бездушье — ямина без дна.

Век — телесам, душе — часок.
А долг и дело — просто бремя.
Да и запал у нас высок —
«Ударный фронт», «победно время».

Орать умеем во весь дух,
А порадеть бы в чистом поле,
Не дожидаясь белых мух
И веточных кормов, тем боле.

Зазряшно не блукать в даях,
Не ждать с верхов небесну манну:
Оттуда спустят столь туману —
Деревни не найдешь в полях.

Ждем помощи, язви ее,
В стога сырые кошны мечем —
Бесстыдники! И крыть тут нечем.
А в чем секрет? Да не свое...

Опять гремело за рекой.
Потом над Небом — над горою —
Плеснуло просинью сырою.
И как-то вдруг взошел покой.

Была Фотинья в этот раз —
Как птица белая, как птица.
— Похоже, гром себя растряс.
И нам пора угомониться.

И, обрывая жгучий сказ,
Тая растерянно усталость,
Решила: — Смолкну про запас.
Сам видишь, что с Расеей стало.

* * *

Тому назад годов два-ста,
Видать, глухарка-кополуха,
А может, добрый побируха
Сронили косточку спроста.

С тех дней (сердяги, слава вам
За чистое земное дело!)
У родника — пребело-бело —
Цвела черемуха, как храм.

На радость, чудо из чудес,
Меж таволги и чернотала
Она, как колокол с небес,
Священный звук земле являла.

Под ней ковер из муравы:
Сиди, дремли, внемли, прохожий,
Студи мозоли бездорожий...
(Я не застал ее, увы!).

Так вот, под этим деревцом —
В жестоком, в том, не в нашем веке —
Сверкнула радость в человеке:
И вырос дом с крутым крыльцом.

Сей достославный человек,
Далекий Анны прародитель,

Для устрашенья — тать обитель
Дервней Губино парек.

И с начинания того —
Взошло, явилось, зазвучало...
С любви к житью пришло начало!
А нынешний погром — с чего?

* * *

Пребудя с «ломками» в ладу,
За строки розог не обращем.
Да не о прошлом стих веду —
О недалеком настоящем.

Проснулась Анна — хоть реветь:
Приснился черт с копытом злобным.
(Шибать деревню снам подобным
Да будет неповадно впредь!)

К ним кум Михей, уполкомзаг,
Стучался в двери оголтело:
— Медведева А-Мэ, к вам дело!
Не хошь стрельбы — уйми собак!

Он всё заглядывал в «талмуд»
Да пересчитывал деревья...
И, замираючи, деревня
Сбирала закусь: — Грянул, плут!

Не за водицею святой
В божницы лезла: — В дом пожалте!
— При исполнены я — отжарьте!
Народной службой занятый.

И лих, взрывной, как аммонал,
Бабахнул: — Самообложенье!
Не сад — в наличности именье,
Дохода частного канал.

— Михеюшка, не погуби!
Ой, куманек, помилосердствуй:
Ведь человек же ты — не зверствуй!
— Я сад сказнил. И ты руби.

Сумей понять: с нас тоже спрос;
Куст не учти — разжился сроком.
— Да ты ж черёмху, кровосос,
Как фрукту, обложил налогом.

Ведь это ж форменный капут:
Помилосердствуй, Христа-ради!
— Не мне твои гроши пойдут,
Рубли имею: на окладе.

Ранетки, сливы — жизнь сладка,
По описи — пятнадцать корней!
К ногтё бы их: траве просторней...
(Увы, я не застал садка!)

* * *

У декабря поблажки нет:
Не даст свидетельства о лете.
К нам председатель на рассвете
Ввалился в избу: — Эй, поэт!

Кончай бездарно прозябать,
Тащи пешню: ЧП, братишка!
Умора: у Михея, слышь-ка,
Корова вмёрзла — вырубать!

— Давай на озеро махнем,
На кой нам это удрученье.
— Нельзя — райкома порученье:
Я вроде сторожа при нем... —

В хлеву соседа — небеса,
Хрусталь: зима располагалась.
И мы рубили. И слеза
Из глаз коровьих исторгалась.

— Того не зрела на веку! —
Фотинья жалилась, вздыхая.
Михей стоял — без малахая,
Зато с наганом на боку.

— На курсах, чуешь, где учен?
Твои вещанья — труд напрасный:

Себя изжил ваш сектор частный,
Ты вот задумайся об чем!

— Привык, злосчастный, придурять, —
Жалела бобыля Анюта. —
Ему б жениться вдругорядь,
Да кто пойдет за шалопута.

А люди — «сельские низа́» —
В презренье, смехе и печали,
На «вы» бродягу величали
И — «русский фермер» — за глаза.

И все полохались вокруг:
Опять князьки, как в давнем-да́вно?
— Как им, михеям, сходит с рук
Свое? И наше? И державно? —

Спросил я друга моего.
— Пытаешь чересчур далёко:
Не заработать бы упрека.
— За правоту?
— У нас того...

Я что тебе сказать хочу:
Они, как мы, да не на месте —
Как ржавый гвоздь в пшеничном тесте.
Лакеям власть не по плечу.

Кто — свой, кто — из чужих краёв
Ура-старатели парада.
Что страшно: много михеев
Уверены, что так и надо.

Возьмем хоть пугало старух —
Бабаева, соцактивиста:
Он в прошлом не был к правде глух,
И дельно жил, без пустосвиста.

Фотинья с Анной не дадут
Соврать: однажды враг наехал:
«Всех — в круг!» — и офицер зашпыхал:
«Москва и Ленинград капут!»

Михей — из строя: «Брешешь, гад!
Да не на тех напал, не купишь». —
И в нос германцу русский кукиш:
«Вот вам Москва и Ленинград!»

Как вольный конь, вкусив удила,
Михей не сдался, не продался —
Серчал, грозился и ругался,
И немцу зубы повредил!

«Дер фаульбаум¹ для буяш!»
Айн, цвай!² — готов с петлею провод

¹ Черемуха (нем.)

² Раз, два (нем.)

(Коль шея есть — найдется повод).
Когда б не пули партизан. . .

Как видишь, нет его вины:
Не струсил грозною порою.
А должность выпала герою
Не по себе — плоды войны.

— «Не по себе». Ты тоже власть,
Глава земли, не огорода:
Не взвил, вкусив шальную сласть
«Хозяина-слуги» народа.

— Взовьешь тут — некогдадохнуть,
Не так от дел, как от указок
Да экспериментальных сказок. . .
Когда б рукой на все махнуть!

— «Махнуть?» А разве не честней
Явить себя: хозяин ноши!
А вы, товарищи, вы кто же?
Куда рулите в гонке дней?

— Хоть служба наша деловá,
Не всяк наш брат делам старатель:
Иной колхозный голова
Не председатель — приседатель.

— Вестимо, в перекувырках
Жить суматошно и накладно,
Зато почетно и парадно,
А кто везуч — престиж в верхах.

Да неужели не понять,
Власть — половинчата услада:
Ведь ей не только подчинять —
И подчиняться верху надо.

— Долбнём ледок, умеря прыть,
Не нам о власти тарабарить.
Коль вырвались, давай рыбарить,
Чтоб к ужину уху сварить.

* * *

Ко мне приехала жена —
Цветок, профессор, поэтесса.
Михей рычал: — Какого беса
Приперлась в Губино она?

Ко мне нагрянула жена!
Все женушки пред ней померкли. . .
К тем временам Михея свергли.
— Ну век: за преданность хапа!

Каким же был я дураком:
Во власти чуть не надорвался.
В меня плюют: «Проворовался!»
Говорунов бы на райком!

Всех на бюро да припужать
Со сталинской стальной орудьи! . .
— Михей Давидыч, мы не судьи:
Пришли картошку вам сажать.

— Прихрюл с женой? То недурно!
— Деревню с городом сливаем.
— Рациональное зерно
Мы в этой смычке узреваем.

Профессор — тоже человек!
Пусть по землеце поелозит,
Себе на пользу поколхозит:
Работа продлевает век.

Однако как там ни сажай,
Ни подставляй хоть чье плечо нам,
Зовись хоть раскаким ученым —
За нами главный урожай.

Стирает грани напрямик
Не кто-нибудь, ведущий зодчий:
Его величество рабочий,
Его сиятельство мужик.

А Фотька с Ньюшкой не идут:
Мой огород — не свой, не дорог,
Не чуют — пересох издворок.
Святоши! Что уж мешкать тут! . .

Не поминаючи того,
Что обижал Михей бабенки —
Тут каждый чтит закон с пеленок:
Коль дело — все за одного!

И в этом благостном труде,
Не всяк — себе, друг другу — друже.
И надо быть других не хуже.
И Муза в желтой борозде.

Здесь — действуй, не лови ворон!
За плугом шествует Фотинья,
И Анна рядышком, внаклон,
И высь над нами соколинья.

О сколько русского огня
В той толоке! Счастливый праздник!
А из окна Михей-балаесник
Кумандует: — Пришпарь коня!

И упражняется в речах:
— Старье, а ломают любо-мило.
— А сам-то, куманёк, зачах?
— Не видишь: спину разломило!

Да где понять меня тебе:
Ишас не скрутит — не восплачешь.
Да кто вы все? Да что ты значишь? —
И сигаретка при губе.

И забавляется пивцом,
И пробавляется винишком,
И заедает огурцом.
— Ну, это, знаете ли, слишком!

— Живем единожды всего.
— Михей Давидыч, враки эти
Вдрызг разбомбили в райгазете.
— Все стрóчат, время таково.

Да мне на кой тебя учить:
Мне вскоре, хочешь ли, не хочешь,
Болезню тяжкую лечить... —
Я сдался: обух не наточишь.

А полдень, ласковый такой,
Не знал ни блажи, ни смятенья.
И за рекой сирень-цветенья
Склоняло грозди: тронь рукой!

И зной, струистый и густой,
Стекал: испей — не обеднею! ..
И что мы все пред красотой?
И что превыше есть пред нею?

Милей зеленой муравы,
Отрадней иволгина свиста,
Где так неистово и чисто
Дары бесценны даровы?

И как в пожарке ворота,
В накале огненных событий
Всего нужнее и... забытей
Красы спасенье — доброта.

Вот так мне грезилось мудро,
А, впрочем, может быть, и проще,
Когда последнее ведро
Мы опростали. Сумрак в роще

Ольховый ладап протянул,
Забытый, горький и родимый,
Ничем в душе неистребимый.
И досинел. И потонул.

Встал месяц. Дело завершив,
Пошли мы охлаждать мозоли.
И было боязно от воли.
И не тужил родник: «Я жив! ..»

И земь, любовью повита,
Сулила всходы невозможны.
И были жалки и парожны
Вся наша дурь и суета.

А я ругнулся-таки ввесь,
Врачуя в роднике ладошки:
— Мы не завянем от картошки,
И ты, Михеюшка октись!

* * *

Спецы-аграрники в тот год
Затеяли преображенье:
Сраженье с весями — сраженье
С самóй землей. Не на живот!

Теперь причастных — никого.
Где были мы? Куда глядели? . .
Михей продумал две недели
И порешил: «Пора того:

Жарёнка — на сковороде».
И к Анне в дом: — Кума, здорово!
Сидишь на хлебе и воде:
Поди, с деньжатами хреново?

Избенка у меня суха,
Я завтра в лазарет залягу:
Ты мне под крышу — петуха,
А я за труд тебе — сотнягу!

— Да ты и взабыль без стыда:
Да чтобы дом — своей рукою?
Да не видать бы мне покою
В сырой земелюшке! Беда!

— Зря еренишься, кума,
Пойми: сулит райпредседатель
Пятиэтажные дома.
А Губино — под корчеватель.

Ну, я пойду: горит в груди.
Поутру ехать в Бегуницы.
Добраться б вживе до больницы.
Ты мне хибару изведи!

* * *

Пожалуй, месяц пробежал.
И вот соловой белоночью
Услышал я, узря воочью:
— Краул, горим! Проснись: пожар!

О, мед-снотворное — косьба,
О, зоревáнная поляна! . .
Горела весело и рьяно,
Да-да, Михеева изба.

Стреляли шифер и металл,
Часть, как фрид из пулемета,
И хохотал истошно кто-то,
И красный чочет клекотал

И черень елей заозерных,
И ветлы, видящие сны,
И клювы аистов дозорных
Кровавы были и грозны!

Фотинья в огненную пасть
Кидала ведра: — Что творится!
Спаси, Небесная Царица,
Не дай пристанищу пропасть!

И падала. И, чуть дыша,
Вновь за водою семенила.
И домовой в чаду горнила
Стенал, как грешная душа.

Сигала в небо мошкара —
Крупна, калена и кусуча...
В полтретьюго пролилась туча,
Да все сгорело в два утра.

А что ж Михай? Вскричал: «Поджог!»
Окреп спиной. Добыл страховку.
Обрел райград. Купил обновку —
С коляской повенький «ИЖок».

* * *

Не до часов! Часам к пяти,
Когда жилье золою стало,
Когда селу звучать пристало,
Фотинья печь зажгла: — Пойди!

Снеси медку да хлебца ей,
Да — я почистила — рыбешки.
И чтоб туда-сюда живеи,
А то перекипят картошки... —

Какие росы на траве:
Робею их стряхнуть-обидеть!
Какие блики на тропе:
Грущу, что вам их не увидеть!...

Хоть колочу, как громобой, —
Что заколоченные двери;
Ни трепетанья над трубой,
И окна — как глаза в потере.

И млад березник на буграх,
И вековухи-болотины
Не светлу радость — черен страх
Сочат из сумерек и тины.

И Аннин страж, гончар-старик,
Мой закадычный спутник Мухи,

Свалял псовину, весь поник:
И зрак пригас, и поздри сухи;

Не лает, лапу не дает,
Приветно не виляет гоном,
Совсем по-волчий поет,
Страша овецек за прогоном.

— Опомнись, Мухи, кроткий зверь,
Жизнь — горечь, да не так несладка... —
И вдруг, как молния, — догадка!
И я спшибаю с петель дверь... —

* * *

Когда пришли мы с похорон,
С поминок жалких, небесхмельных, —
Свобода с четырех сторон
Сияла в палях беспредельных.

И ни разлукой, ни тоской
Земля и небо не дышали —
Они, как две шелковых пали,
Струили радость и покой.

А я заплакал, дню не рад,
В саду Фотиньином под вязом.
— Ну, будет, будет — ты солдат:
Иметь понятие обязан!

Не май глаза, не мучь персты:
Не надо горя — слава Богу,
Что до конца длиннынь-дорогу
Она прошедши. До версты.

Жизнь ипших — мед с дурман-цветка.
Смерть безотравна, безобманна.
Свое испила до глотка
Великомученица Анна.

Ты брось! Ты скорбью не греши,
Не поддавайся наважденью:
Возрадуйся освобожденью
Не знавшей милости души.

— Жаль, Аннину гнезду конец.
— Все отойдем на гору Небо.
— На крест бы — золотой венец!
— А чем не злат — снопок из хлеба?

* * *

— Турецкий хром у нас в чести,
А туркам гонь корье дубильно.
Ивняк в лесах задрали сильно —
Пчелам на корм не наскрести.

С утра на промысел прошло
Пять мужиков сквозь наш заулоч:
Чудно! Лоза дорожке булок —
Копеек с тридцать за кило!

Кроим кожанки чучелам,
В дом тянем — не ведем достаток.
Хоть не ходила б ко пчелам:
Там нонече урон — не взятюк.

Гляди-кость, лыкодеры прут:
Еще четверка на дороге.
Попчеловодничаешь тут...
— Скандал, Ивановна, в итоге.

Добра осталось — воз лозы.
На все родное ручкой машем.
Посыпать пеплом бы власы
Хозяевам веселым нашим!

На моду русскую — навет,
А мы, взлелеявши бородки,
Чтим не свое, чужие шмотки.
Да своего у нас и нет.

Я затужил, взгрустнув совсем,
Жалея ивы бездыханный.
И было это после Анны
Внедолге: суток через семь.

Дороги к рюмке нет прямой,
Не встрянь в печаль мою хозяйка:
— Стыдобу, Йыгарь, поимей:
Стишки, пора бы, почитай-ка!

Хоть твой дружок присочинил,
Спел местность вроде бы не нашу,
А сердцу радость причинил,
Как будто в дом вернул пропажу.

Вникай себе, на ус мотай:
Мужик о совести печется.
Я придремну, а ты витай:
Пой, и за столик у колодца.

Тетрадка как природы дар,
Местами в клокве и в морошке,
Еще с таблицей на обложке,
С «саженью» сельской: «Ар», «Гектар».

И я смирился. И читал,
Обласканный наивной строчкой:
«И не темнело темной ночью,
И грели звезды краснотал.

И, спесь-гордыню разлюбя,—
Для помощи, не для обузы, —
Жила, не жалуя себя,
Жила душа — мерило Музы».

Да, труден стихотворный хлеб,
Но властен, как земля сырая,
Хоть сеятель — без каравая. . .
Когда бы напечатать где б!

* * *

— Ты прочитал мои склады? —
Спросил меня Калинин смирно. —
Не дюже много там воды?
— Оглядки нет. И не настырно.

В печать, увы, не тот момент. . .
— Я предложу их «Литгазете».
— Там песенки поют не эти:
В «ЛГ» не сельский контингент

То ль голой прямоты струхнув,
Или еще какое «то ли» —
Залепетал я об юдоли,
Многозначительно вздохнув.

— Так, говоришь, момент не тот? —
Переспросил ехидно Виктор. —
А я слышал, столичный диктор
На днях вещал на весь народ:

В «неперспективных» деревнях
Разумно лишь одно решение:
Неперспективно разрушение,
Неперспективны тлен и прах. . .

Ведь чтобы села жизнь вели
(Большие, малые ль — едино),
Чтоб пахота сполна родила, —
К земле жильё! Не от земли!

Но на мужичий тяжкий воз
Чиновная насела смута:
Зачем-то вздумалось кому-то
За тридцать верст возить навоз.

Не жахнет в суд на нелады
Земля. Ей несподручна свара.
Она смиренно за труды
Вознаст семь центнеров с гектара.

— Иной мужик — порухе брат:
Ему квартира с лифтом в радость.
— То — так! Но дорогая сладость
России финский сервелат.

Да плата главная не в том,
Без тех колбас мы перебьемся —
В плен запустению сдаемся:
Дом выстроим, а пять — на слом.

И до сих пор, кругом к тому ж,
Изводим «пункт неперспективный».
«Сельхозхирургам» мнится глушь
Болячку оперативной.

И это правда, не навет:
Я сам — слуга того разлада.
— Чего ж ты не пресек, где надо?
— Я — «голова»: мне воли нет.

* * *

— А коль признаться, не дуря:
Я — голова, с того и больно. —
Залюбовался я невольно
На истинного скобаря.

Калинин Виктор чубом рус,
Натурой тверд, собою ладен,
Доступен, прост и непараден.
Дитя земли. Поклонник Муз.

Как он Есенина читал!
Как пел косою, косьбу затеяв!
И ни-ни-ни не почитал
Ни дураков, ни прохиндеев.

Чтил совестливых, кто ни будь,
Любил Рубцова Николая...
Головушка ты удалая,
За мой эскиз не обессудь!..

Пес Мухи тоже, хоть понур,
Достоин лирики, миляга:
Шесть строф — хвала не чересчур,
Запе особая собака.

Он даже песие «гав-гав»,
Когда его винули зряшно,
Обидясь, не тянул протяжно, —
Бросал с достоинством: «Я прав!»

А в полночь жгучий клип
Метался эхом в буераках...
Он был чистейший «костромич»,
Хотя и числился в дворнягах.

Доверчив, не зверино мил,
В живых глазах — печаль-забота:
Как будто все жалел чего-то,
О ком-то помнил и тужил.

С волками дрался, крут и смел;
С людьми беззлобен был и кроток.
Я много выжлецов имел,
Но тут — не гончий: самородок...

И мне, читатель, пред тобой
Позволь предстать в житейском виде:
Не замухрышка, не рябой,
На плечи тоже не в обиде.

Не гоготун залетный гусь —
Псковской, Николин сын и Манин.
Бываю простоват и странен;
И жгу себя: с того и жгусь.

И для порядка доложу:
Люблю петорную дорогу,
Случается — едва дышу,
К тому же хром на леву ногу.

И, чтя исповедальный сказ,
Сознаюсь, не играя в жмурки:
Мне трижды колупали глаз
Московские микрохирурги.

Боялся? Трусил? Так, робел:
Прозренья курс в НИИ ускорен.
И все же белый свет мне бел,
А черный мрак и с линзой черен.

* * *

Газетный девственный покой,
Журнальный крен к словесным фарсам:
Уйдешь в набор рычащим барсом,
А выйдешь кисой — гладь рукой.

И все ж, корысти не тая
В народного избраться князя,
В открытые врата ломяся,
Свое доказывайте «я»!

Себя спросить, с себя начать —
Важнее важного забота,
Первостепенная свобода.
Неволя — всем на все рычать.

Однако, сколько ни молчи,
А слово — это тоже дело.
Есть пропись: «Словом, зло и смело,
Общественную хворь лечи!

Вот В. Калинин и «лечил»:
Кропал куплеты о природе,
Слагал сонеты о погоде —
И был за то рай-ону мил.

И лирики пейзажной нить
Он вил бы, не смутясь нимало,

Когда бы время не настало
Стальных коней поприструнить.

Решили вишню живота!
Она ни в чем не виновата,
Но до судьи далековато;
«Да и зачем тут красота?»

А красота — не мне учить
(Ей-ей, в наставники не лезу) —
Нужна России до зарезу:
Чтоб сердце не ожесточить!

Хоть в поле вишенкой простой
О первородине напомнить —
Родством с родной землей наполнить.
Безродный человек — пустой.

Стальные кони, стало быть,
Впряглись уж очень железно.
Жаль, нынче технике грубить
Небезопасно-бесполезно!

Прочтя Калинина статью
«Пусть вишенка цветет во поле!»,
Изрек предрик: — Вари кутью —
Себе помин! Не ясно, что ли?

Не глух, не слеп, не идиот —
Против чего? За что дерешься?
Мелиорация идет!
А ты о хуторе печешься?

И осерчавший местный туз
Понес, как мерин застоялый. . .
Был Виктор Павлович не трус,
Прямой мужик и честный малый.

Не смог смолчать: — Яришься зря,
Райвласти вредный обладатель! —
И больше он не председатель:
Слетел, сердешный, в егеря.

Запротоколил райсовет:
«В газете новизне угроза!»
Слетел не исполкома пред —
В. П. Калинин, предколхоза.

* * *

Назавтра на «козле», как тень,
Примчала Виктора супруга:
— Живее к нам, прошу как друга:
Уговори упрямый пень!

Ему попятиться б резон
И отступить бы полюбовно. . .
— Да что случилось, Марь Петровна?
— Ох, догазетничал пижон.

Поналомал Калинин дров
За семь целковых гонорара.
Коль предводительстванье кара, —
Сгребай навоз с-под кабанов.

Ведь это ж надо ж: в дикий лес
Крутнуть с накатанной дорожки!
За стихотворные оплошки —
За писанье попутал бес.

Ты зазнавалу упреди,
Остереги его от бредней.
Сам знаешь: нет занятий вредней —
Допишетесь, того гляди! . . —

И я, смущенный, упреждал,
Во исполненье порученья,
А отставник без удрученья
Двуствольный чистил самопал.

Да, «пень» был слажен не из пня:
Не сыпал совестью трухлявой.
— Поговори с моей халявой:
Пуцай отстает от меня!

* * *

Мы с Фотей, две живых души,
Земною связанных судьбою,
Взошли, смиренье взяв с собою,
На гору Небо — высь в глуши,

Не в сновиденье, наяву.
И было благостно и рано.
И звала родина: «Ау-у. .» —
Синё, печально и росяно.

У врат покоя, у ключа,
Красой прискорбия не руша,
Пылала белая свеча,
Невеста мая — дичка-груша.

А типина была нагой,
Но полной трепета и звёни.
Мы опустились на колени
В приюте Анны дорогой.

К шиповнику — тернов-кусту,
Смиряющему жизнь с кончиной,
Судьбу — с судьей, лицо — с личиной;
Ко знаку горести — кресту.

И так стояли: я и ты.
И было сердцу очищенье

От злости, спеси и тщеты;
И обретало смысл прощенье.

Ты воли не дала слезам.
Ты трижды земь облобызала
В погах у Анны. И сказала:
— Прости дела земные нам!

Всем предназначенный аршин,
Коль выпал час, отмерить надо:
Уже не даль мне до заката,
И выше Неба нет вершин. . .

А там, за кладбищем, а там
Веселие торжествовало,
Краса сияла небывало
По всем полям, по всем кустам.

А там — куда доглянет взор,
Среди олешинок беспечных —
Плескалось двадцать пять озер,
А может быть, пожаров млечных.

Ах, белый жар в земной горсти,
И ни дымка из труб. Лишь дымка.
— Сады! Не могут не цвести:
Не скроешь — май не невидимка.

* * *

Затарахтело: «Трах-тах-тах!» —
Михея принесло на трассу.
— Как не рассыплется от трясу
Ездок на нашенских верстах?

— А что такого: знай, греми,
Мотай себе туда-обратно
Да в каждом месяце двукратно
Получку с премией имй.

А дым с трясеньем — поделом
Той бесовой паникадиле! —
Так мы с Фотиньей рассудили,
Чай гоняя за столом.

— Вот времена: пройдохе честь
И чин немал — дорожный мастер. . .
— Нишкин: он сам!
— Ну, стал быть, здрасте!
Стакан бы мне! Да чем заесть!

Начальник сельских автострад,
Нелеп, петрезв, пустопорожен
(«Номенклатура» — черт не брат!),
Теперь на «Междорожье» брошен.

Идешь ли, едешь — в маяте:
При мастере таком дорожном
Дороги были делом сложным,
Дороги были еще те.

Был спец пошкодить мастер тот —
Убить бобра (в глуши без риска)
И лебедя пустить в расход
(Они весной тянули низко).

И в воду омокал персты,
Кривые черные рогульки.
Бывало, едет — ворох в люльке:
Сетей пятнадцать, полверсты.

Я с ним затеял разговор —
Зачем, не знаю, бесполезный:
— Суда не боязно, любезный?
— На что намек: советский вор?

В дела встречаешь на кой хрен?
Да я тебя за это — знаешь! . . .
Ужо мы выровняем креп —
В места недалние сыграешь.

Ни ночи нет от вас, ни дня:
Порасплодили прихлебаев.
Михей Давидович Бабаев
Тебе, писака, не ровня!

Законом нам не угрожай:
Я не таким хлыстом пужатый,
Я тридцать пять годов вожатый!
Ты знаешь что: давай съезжай!

* * *

Моя хозяйка сбилась с ног,
С июня по осёню стужу
Ловила мастера дорог:
— Засыпь напротив дома лужу!

— Чего гудишь на весь колхоз?
Похолоданье на пороге:
Вот-вот возьмется за дороги
Прораб дорожный — дед-мороз.

Чего шумишь? Когда бы сушь!
А тут на сто шагов по язве.
Сообрази: по силам разве
На одного три-ста-пять луж?

— Так тута не шоссейка — гроб:
Машинам маяться докуда?
Вчерась чуть трахтур не утоп.
Гляди-ка, не нажить бы худа. . .

И «худо» тут как тут: в Покров,
Не понарошке — в самом деле,
Едва потемки поредели,
Возник в саду звериный рев.

Я вышел нехотя за дверь
И увидал грозу округи,
И позабыл про ноги-руки,
И было отчего, поверь.

Обняв добычу, на дыбах,
Медведь ломал жужжащий улей.
Фотинья за калитку — пулей,
И посохом бродягу — бах!

— Свое круши, а в мой не лезь,
Сластена, жулик и кутила! —
И тут медвежия болезнь
Громила бурого схватила.

Он ойкнул, кинулся бежать,
Ропя вопли и икоту,
И в лужу пал, где на охоту
Михей изволил проезжать.

И где ружье, где малахай,
Где мотоцикл? Спросите лужу.
Вот это был, скажу вам, хай:
Две полных паники наружу!

Кричал медведь, блажил Михей —
И нагоняло дрожь от воя!
И походили эти двое
На водяных получертей.

Топтыгин сбёг в конце концов.
Михея в дом ввела старуха:
— Дошли: от медведёй поруха! ..
Погрейся чаем. Съешь блинцов.

— Напиток — теплый, горлу тож,
Да ванна костки просквозила.
Не сборешь враз, не зверь — верзила!
Смекай: чайшком не проймешь.

— Жаль, водки нет.
— А совесть есть?
Тащи живее из-под спуда! .. —
Пришлось больному поднести.
Да не пристанет к нам простуда!

Знать, перегрелся фанфарон —
Понес, как истопник в угаре,
И был в его репертуаре
На всю беду один резон:

— Была деревня, да сплыла:
Твой пятистенок — козырь плёвый.
Пожаловал хозяин новый:
Пора передавать дела.

И ты о том не сожалей.
Жизнь бьет ключом, как брага, бродит,
Новь агрогорода возводит!
Нашто те в городе улэй?

Пока силком не просят вас,
Съезжай добром, без прекословья.
В сельцентрах людям все условия,
А тут медведю в самый раз.

На печку влезу — покалюсь,
А то в квартире с паром-газом
Погреешься не всяким разом...
— Безпечной стала: стынет Русь...

И падал лист последний с рощ,
Скользя по мутному окошку,
И гнал Михай с лежанки кошку,
И сеял, сеял мелкий дождь.

* * *

К нам почтальон свою вожжу
Не направлял по полугоду.
Письмо зимовью слаще меду;
Письмо — ого! — я вам скажу.

Коварны, как ноябрьский лед.
Души предснежные печали,
Особенно когда ночами
Спать волчий ветер не дает.

Когда запечный домовый
Прельщает темень-побирушку,
Найдет — затужишь, сам не свой,
Как говорят, на всю катушку.

Но тьма. И лают провода,
Что гошчие на зайчьей ловле.
И ты, доверься ветхой кровле,
Себя не денешь никуда.

И затуманится весьма
Поняте ясное — обитель:
В деревне всей единый житель.
И тут не можно без письма!

— Тебе не жаль живых людей? —
Пытал я Люську-почтальонку.
— Ах! Плюхать в вашу отдалёнку:
Боюсь волков и ведьмедей!

Не смейся: закусает вот.
Баб Фоть, письмо из Ленинграда!
Не жми дела — побыть бы рада,
И зверь: а ну как переймёт!..

— Ты письмоноску не брани:
Бедно рабсилы в Угорее,
И путь — во Псков домчишь скорее.
Читай письмо! Как там они?

Свое дитё — не куст лозов:
Тревожит ночью, мает денно! —
Фотинья слушала смиренно
Двух дочерей приказ и зов.

«. . . Ты хоть кого спроси, любой
Ответит: брось, не будь упряма.
Нельзя одной — пойми нас, мама!
На днях приедем за тобой. . .»

— Так, значит, замкнулся круг:
Жить хошь — давай из дому тягу?
Не распойму чего-то вдруг,
Вторично огласи бумагу!

И я бумагу огласил.
— Что думаешь?
— Да. . . чада правы. . . —
А ветер за окном косил,
Как наш колхоз, пустые травы.

— Нескладной жизнью ветровой
Куда мне править от причала? —
И горько-горько! покачала
Седой дрожащей головой.

* * *

В восьмидесятые года
Одним негожим днем февральским,
Циклоном пригнана уральским,
Была метель: вот это да!

Снеготрясений я видал —
Пурги, буранов, вьюжиц, хвилей,
Да все не то: ветрюга с крыльи
Сейчас не снег — картечь кидал.

Сосняк стелился ниц. Окрест
И храп, и визг, и ярость зыка,
О-хо-хо-хо, какой оркестр!
Какая адская музыка!

Отбилась зимушка от рук,
Молчать снегам осточертело.
И так темным-темно вокруг,
Так пусто и осиротело.

Я в этот день, в тот дикий час
Себе сказал: «Довольно кары!
Столица ценит тары-бары,
Не жди, двухтомник не издаст.

«Худлит» аванса не пачтет,
Литфонд, хоть плачь, монет не ссудит.

Уйду — ну, кто меня осудит?
Внедрюсь в Москву — взимать почет. . .»

— Повремени денёк-другой,
Пока шалает завируха, —
Жалела сникшая старуха, —
Перегоди уж, дорогой!

У бури нет своих-чужих:
Деревья гнутся до коленок! . . —
А я уперся лбом в простенок:
Недаром псковский я мужик.

А совесть охала и жглась,
Как пляска снежная, уныла,
Под ребрами нектати ныла:
«Зазря в бутылку не залазь!

Отчалишь, все сойдет на нет.
Далек ли май — дождись, дайся». —
И тихой совести в ответ —
Благоразумие: «Спасайся!

А бабка, верная крестам,
Пребудет в помыслах о лете.
Ей в городе хвалу воздам
И напечатаю в газете).

Так думал я. И сам себя
Из хаты гнал почти злорадно,
Что говорить, не очень ладно,
Но, отступленье отрубя:

— Дела, Ивановна! Прощай!
— Что делать? Путь твоим дорогам!
Не охлаждай себя упреком.
Иди уж! Совесть не смущай.

И я ушел, вздувая пыл,
Зафитилил в низы по скату.
И тиснуть лапу позабыл
Четвероногому собрату,

Дружку походов моему,
Псу Мухи — чуду на соломе,
Который жил теперь в доме
У древней Фоти — где же кроме?

«Я — зимогор, во мне запал,
Начхать на вьюжные атаки!» —
Не знал я, где зимуют раки,
И запагал, и запагал.

Прошли и час, и полтора,
И два, и три. Не тянут ноги.
И вроде бы уже пора
Пробиться до большой дороги.

Но лес не наш: нездешне мглист,
Какой-то нелюдски холодный —
Бездомный, каменный, безродный.
И не псковской метели свист:

Она шипела, мчала вой,
Ползла, мела, скребла, лютела,
И я, уже не чуя тела,
Слетел на дно вниз головой.

* * *

О Мухи, Мухи, брат меньшей,
Ничья бесхозная собака,
Мою тоску в плену оврага
Почуял ты своей душой.

И углядел в ночи черту —
Тупик, людским глазам не видный,
Где снег упрячет страх мой стыдный.
И громко взлаял в пустоту.

И — цепь на части, и — в метель:
Лишь пена с губ, аж искры с холки.
И да минуют псину волки!
И ту, где — я, не свалит ель!

Не платят злом Руси леса,
Хоть им топор вонзили в спину:

Не слопали зверюги пса,
И не сломал циклон елину.

Людской обидой не стена,
За долг любви, не за награду,
Изнеможенный до упаду,
Мой Мухи отыскал меня.

Да, отыскал! И снег разгреб —
Ловушку-яму с две сажени.
Мой дом последний, то есть гроб.
И застонал. И на колени

Меня поставил. И сквозь бред,
Сквозь вьюговея завыванье
Текли смиренность и сознание.
И был воистину рассвет!

Муть оседала. И уже
На взбаламученном востоке,
На нижнем неба этаже
Струилась жилка в кровотоке.

И почему-то ольх косяк
Летел над снегом в цвети лета...
Хвала тому, в ком не иссяк
Долг егеря и пыл поэта!

Катает снежной целиной
Калинин Виктор ходом спорым.
За кем бы думали? За мной!
Ну и, само собой, — дозором:

Там кабанишек приглядеть,
Тут елку выпростать из плена...
В лесах — броней гололедь,
В полях — бездомье и измена.

Да! Холод жмет со всех сторон,
И, чтобы не тряслось горáже,
Кому-то надо стыть на страже.
Тем стражам земный мой поклон!

Не измени вам слух и глаз!
Не откажите, резвы лыжи!..
Спасенье слыша, трубный глас
Пес Мухи возводил все выше.

И дозвенел, догоревал,
Долаял — помощи дозволялся.
Да и буран умерил вал,
Рожищи — в снеги: надорвался.

Меня спаситель — на плечо,
И сбоку, неотступно, Мухи.
И вот мы в горнице старухи.
Трезвон! Морозно! Горячо!

* * *

Ночей за двадцать пронесло,
Деньков не меньше пролетело.
Однажды мру и чую тело!
А тело, как в воде весло.

Я все куда-то зыбко плыл
По зоревым волнам и травам.
И возгорался в сердце пыл —
Жаль — к людям, зверьям и дубравам!

Нет, на житейском корабле
Не много с совестью наспоришь...
И Виктор, мой пестун и кореш,
Читал поэму «В полумгле».

В ней люди, веря и любя,
Не покидали кров и поле,
Не покорялись чуждой воле —
Умели уважать себя;

Не лили воду в решето,
Коров дровами не кормили —
Не то, что мы, не то, не то.
Но будет! Косточки помыли.

Мне друг мой говорит: — Старик,
У нас двупраздник: воскресенье,

Плюс бросило тебя трясенье,
Хоть твой и посивел парик.

Сед волос, рус — не все ль равно,
Коль плечи голова венчает.
Метель прошла давным-давно
И пусть тебя не удручает.

Мы молча дышим. Пьем чай.
Ласкаем Мухи. Чтим зайчишек,
Которых прыгает не лишек —
Не те поля, не те гаи!

А ночь ведут не козни тьмы —
Сини́ снега, огни заката.
И кто тут правил виновато?
Поди реши! И всё есть мы.

* * *

И воскресенье потекло:
То валко-шатко, то рысисто,
И на душе, как в поле чисто,
Пускай и снежно, да тепло.

И не по дням, а по часам
Жизнь оживала, возвращалась.

И я себе дивуюсь сам:
В какой полныи сладость бралась?

И праведной войны вдова,
Душа обители святая,
Прядет укорные слова,
Незлым стыдом мой дух латая:

— Идти бы впрям, да спесь-то — вбок.
А вбок от пряма — буераки.
Вот и попёр, вот и побёг:
И докатился до собаки.

Махнул, как летом по-грибы,
Да то гулянье зло и зряшно.
А не собака бы кабы?
Да не удача? Молвить страшно!

Добро, буран умерил прыть —
С него не потребуешь ответа. —
И я молчу. Мне нечем крыть.
Молюсь. Храплю в себе поэта.

Спесь — за метелью. Жажда книг,
Литавры критики столичной
Погаснули, как хмель привычный,
Как в том сугробе зряшный крик.

До позднесвета не сосну,
Но на душе ничуть не лихо —
Светло, живительно и тихо.
Кто б мог подумать: жду весну!

И ожидание легко.
И что с того, что бездорожно,
Что март бренчит пустопорожно,
Ведь верить в даль — недалеко.

И в изголовье, как свеча,
Неугасимо, пусть и скупо,
Земли обиженной заступа
Сулит: — Дотянем до грача!

И, в руки взяв мою ладонь,
Дивится: Надо ж, не дал дуба!
За все сполна плати. голуба,
И смутой сердце не затронь.

Не жизнь — вьюга́ всему виной.
Да не вьюга́ судья — обитель! —
И скорбный ангел мой хранитель
Фотинья плачет надо мной.

И, словно кровная родня,
И, может быть, превыше крови,
Увещевает о любви,
О правде завтрашнего дня.
1983—1984

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ

ВЬЮГА

Поэма

Редактор *С. Молева*
Художественный редактор *Круговов В. И.*
Технический редактор *А. В. Лакс*
Корректор *Л. Бубнова*

Сдано в набор 10.02.90. Подписано к печати 21.09.90.
Формат 60×84^{1/2}. Бумага типографская № 1. Гар-
нитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 3.0.
Усл.-печ. л. 2.73. Тираж 3000. Тип. зак. 279/5.
Цена 1 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Художественная литература», Ленинградское отде-
ление, 191186, Ленинград, Невский проспект, 28;
ЛИО «Редактор», 190008, Ленинград, кан. Грибоедова,
170.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типо-
графия издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

1 руб.

